

ПРЕДИСЛОВИЕ К ТРЕТЬЕМУ ИЗДАНИЮ

Нынешнее, третье издание Словаря не отличается от предыдущего (Седакова О.А. Словарь трудных слов из богослужения: Церковнославяно-русские паронимы. М.: Греко-латинский кабинет Ю.А.Шичалина, 2008) принципиальной новизной.

Работа над новым изданием словаря заключалась в тщательной редактуре славянского, русского и греческого текста (М.А.Криммель) и в заполнении ряда лакун прошлого издания. Это:

1. Дополнение русскими переводами ряда мест, оставленных прежде без перевода (О.А.Седакова);
2. Внесение греческих соответствий, пропущенных в предыдущем издании и, соответственно, изменения в обратном греческо-русском словнике (Т.А.Михайлова);
3. Внесение пропущенных адресов цитат из богослужебных текстов (Ф.Б.Людоговский).

Особое достижение нового издания – его верстка. Словарь набран заново. Типограф Е.Л.Григорьев прекрасно справился с труднейшей задачей сопоставления нескольких шрифтов и алфавитов и размещением значений отдельного слова. Таким образом Словарь стал гораздо удобнее для употребления. Специально для словаря был разработан церковнославянский шрифт «Христофор» (дизайнер О.В.Мацуев), согласованный по графике с гражданским, которым набраны русский и греческие тексты.

О.А.Седакова
Апрель 2019
Москва

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПЕРВОМУ ИЗДАНИЮ

Какие слова мы называем здесь «трудными»? Именно те, которые с первого взгляда покажутся совершенно простыми: **животъ, прѣстѣй, вѣкъ...** Настоящий словарь относится к известному лексикографическому типу «ложные друзья переводчика», иначе говоря, к словарям вероятных (а порой и неизбежных) недоразумений, смысловых иллюзий. Недоразумения такого рода возникают, когда при работе с другим (и особенно близкородственным) языком читатель исходит из тех значений слов или морфем, которые известны ему по родному языку. В нашем случае добросовестный читатель, встретив в библейском или богослужебном церковнославянском тексте слово, которого он никогда не встречал в русском (например, **ѡнѣгръ**), скорее всего, справится со словарем. Но по поводу хорошо известного ему слова – скажем, «озлобленный» (**ѡзлѡбленнѣй**) или «непостоянный» (**непостоѡннѣй**), у него может и не возникнуть сомнений. И в таком случае понимание известных стихов: **Ѣкѡ непостоѡнно величїе славы твоеѡ или страстїей моїхъ непостоѡнное ѡ люточе оуточїи смѡщенїе** окажется просто превратным. В церковнославянском слово **непостоѡннѣй**, передавая греч. ἄστατος, означает не «переменчивый», «неустойчивый», как в русском, а «тот, против которого нельзя устоять (**постоѡлти**)», то есть «невыносимый, нестерпимый», «неодолимый». Дословный перевод приведенных выше стихов: «ибо нестерпимо великолепие славы Твоей» и «страстей моих неодолимое и свирепое умерь возмущение» (как видно из последнего перевода, и значения таких церковнославянских слов, как **оуточїи** «уменьшить» и **смѡщенїе** «возмущение, буря», не совпадают с русскими). Так же кардинально расходятся церковнославянское и русское значение причастия **ѡзлѡбленнѣй**: русск. «обозлившийся» – цсл. «обиженный», «тот, кому причинили зло»: **ѡ всѡкой дѡшї хрїстїѡнстѣй... скорѡщей же ѡ ѡзлѡбленнѣй** «о каждом христианине... страдающем и обиженном». Или глагол **трѣбовати**: русск. «решительно просить» – цсл. «сильно нуждаться»: **къ тебѣ привѣрѡхъ, чїстѡѡ, спїенїѡ трѣвѡ**: «к Тебе я обратился, Пречистая, нуждаясь в спасении». Такие слова, физически (своим звуковым и морфемным составом) совпадающие (или почти совпадающие) с русскими, но несущие другое значение, и включены в настоящий словарь. Поскольку почти все рассмотренные нами тексты представляют собой

переводы с греческого, проверкой церковнославянских значений таких слов для нас, как правило, служил греческий оригинал.

Лингвистическая классификация этого явления затруднительна: внутри одного языка такие слова могли бы быть названы омонимами (в случае полного орфографического и фонетического совпадения)¹ или же паронимами (в случае некоторого расхождения). Но для классификации фактов двух разных языков оба термина, строго говоря, неприменимы.

Итак, в наш словарь включены церковнославянские слова, которые максимально совпадают с русскими (как в приведенных выше примерах),² и более приблизительные, с системными для двух языков звуковыми отличиями (как, например, цсл. **щ** на месте русск. ч: **сѣщѣ**). Кроме них мы включили в словарь и такие слова, которых в современном русском нет, но которые могут быть легко – и неправильно – «разгаданы» исходя из русскоязычной интуиции (например, **йзвина** – нора, **цѣлованіе** – приветствие). Кроме того, в словарь вошло некоторое число чисто казусных, случайных совпадений. Всего словарь содержит около 2000 словарных статей.

При отсутствии каких-либо индексов (указателей, симфоний) к церковнославянским богослужебным текстам весь материал собирался нами вручную. Естественно, он не может претендовать на полноту. Публикуемый текст – первая, в каком-то смысле пробная версия словаря, которая в дальнейшем должна дополняться, уточняться, исправляться. Мы приносим читателю извинения за некоторые очевидные недостатки.

Предшественником настоящего издания была предварительная публикация словаря в журнале «Славяноведение» (1992, 6 и далее). В доработке журнального варианта участвовали А.В. Марков и А.Ю. Никифорова. В сравнении с первой публикацией объем словаря увеличился почти в два с половиной раза, была проведена сплошная сверка с греческими оригиналами, уточнены значения и рубрикация значений отдельных слов, дополнены и отредактированы переводы примеров на русский. Наконец,

1 Так определяет их акад. В.В. Виноградов, рассматривая церковнославянско-русскую омонимию внутри русской лексики: В.В. Виноградов, История слов, М.: РАН, 1999, с. 217 и др.

2 О полном совпадении говорить не приходится, в силу различия орфографий и орфоэпий двух языков.

была проделана работа по кодификации сокращений в ссылках на богослужебные тексты, в которой неocenимую помощь оказала монахиня Елена (Хиловская).

Составитель вполне сознает тот факт, что выбор того или иного слова как «опасного» для русскоязычного понимания не может быть обоснован строго формальным образом. Иначе, вероятно, и не бывает, когда дело касается семантики, т. е. значения и оттенков значения слова – той области языка, которая менее всего поддается формализации. Но главное, само отношение двух языков, церковнославянского и русского, чрезвычайно сложно – и было таким с самого начала.

По гипотезе Б.А. Успенского,³ которую в целом разделяют многие современные историки русского языка, отношения церковнославянского и русского могут быть описаны в терминах диглоссии. Это значит: *два* по существу разных языка существуют во взаимодополнительных отношениях и воспринимаются их носителями как *один язык*, в двух его функциональных (или прагматических) вариантах: профанном («простом», «поганом», устном) и сакральном («чистом», «правильном», нормированном,

3 Б.А. Успенский, История русского литературного языка (XI–XVII вв.), Мюнхен, 1987. Poleмика отечественных и зарубежных славистов с моделью Б.А. Успенского связана, в основном, с ее упрощающим характером. Критики Успенского (Н.И. Толстой, D. Worth) обращают внимание на существование «средней зоны», смешанных славяно-русских текстов, в которых доля «простого» языка пропорциональна степени удаленности конкретного текста от сакрального центра, который составляет богослужение. Так, душеполезная литература для домашнего чтения содержит в себе больше русизмов (или, для других православных традиций, болгаризмов, сербизмов), чем гимнография; еще ближе к «простой мове» летописи, за ними следует деловая письменность и т. п. Таким образом, общая языковая картина древней Руси (как и других православных славянских традиций) предстает не как простая дуальная модель, а как ступенчатая иерархическая пирамида, нисходящая от «чистого славянского» к «простой мове» через ряд смешанных зон. Эта, более усложненная картина, тем не менее, не отменяет существенного характера отношений между книжным славянским и разговорным русским как между двумя вариантами одного языка.

Своеобразный случай нового смешанного, гибридного языка – так называемый «духовный язык», сложившийся в XIX веке. Это своего рода профессиональный жаргон русского языка с жестким этикетом употреблений, в котором грамматическая система целиком русская, но словарь по преимуществу славянский. На «духовном языке» писались проповеди и вообще сочинения на душеполезные темы.

Трудно переоценить значение этого «духовного языка» в создании официального советского языка 40–50 годов, который не менее чем на 70% состоял из славянизмов.

книжном). Профанным (мирским) языком на Руси были живые восточнославянские говоры, а позднее и русский литературный язык, сакральным – церковнославянский, в морфологическом отношении южнославянский по своему происхождению, а в семантическом – в значительной мере греческий (см. ниже). Области употребления сакрального и мирского языков были разграничены и не пересекались, так что самая возможность существования одного текста на двух языках, русском и славянском, представлялась невозможной и даже кощунственной (недопустимым при этом было не только храмовое употребление «простого» русского языка, но и бытовое применение «священного» церковнославянского). Церковнославянский, при всех изменениях, которые он претерпел с кирилло-мефодиевского времени до наших дней,⁴ в замысле был закрытой системой, дистанцированной от бытовой речи (так же, как, по мнению историков церковного пения, древнейшие церковные распевы в своих мелодических оборотах намеренно дистанцировались от фольклорных, народных). Язык книжности и богослужения должен был, в замысле, исключительно «сохраняться», передаваться «чистым» из поколения в поколение без перемен. Даже грамматическая и орфографическая ошибка в нем могла восприниматься как ошибка вероучительная – и недаром: некоторые моменты орфографии и грамматики церковнославянского имели не собственно языковое (то есть, грамматическое и фонетическое), но доктринальное обоснование (например, **сло́во** в значении *Бог Сын* в мужском роде⁵ или титлованное написание слова **о́цъ** в значе-

- 4 История этих изменений практически не описана до сих пор. Традиционной областью академического языкознания был язык ранних кирилло-мефодиевских переводов, по преимуществу в индоевропейской перспективе и в его отношении к диалектной южнославянской основе.
- 5 Нужно заметить, что **сло́во** в этом значении, – Бог Слово, Логос, – относится к склонению на *о (склоняется: **сло́во, сло́ва, сло́вѣ...**, т. е. так же, как **се́ло, хлѣ́въ**, и т. п.) и не имеет форм мн. и дв. числа. В м. р. **сло́во** употребляется преимущественно в зват. падеже: **си́и ѿ сло́ве бѣа живѣгѡ**, но встречается и вин. падеже: **ѣдина бездѣчнаго сѣа ѿ сло́ва бж҃гѣа въ лѣто рождши** (Служ Усп Утр ст бгр), или же м. р. выражен прилагательным: **черчѡгъ, въ нѣмже сло́во оубнѣсочный плѡчь** (гл 1 сб Веч мал стх Гв сл н), хотя известно и употребление его в среднем роде: **сло́во, прѣжде въккъ рождшесѣа** (гл 8 Веч вед стх Гв 4). В других значениях **сло́во** может изменяться по склонению на согласный (тип **нѣво, оубхо**): **сло́во, словесѣ...**; иметь формы мн. числа и всегда принадлежит ср. роду. (Благодарим Ф.Б. Людовского за указание на необходимость такого уточнения.)

нии *Бог Отец* – и в остальных случаях употребление его без титула). Что касается дополняющей «книжный» язык «простой речи» (вначале это были живые устные славянские диалекты, затем и письменный литературный русский язык), то она представляла собой открытую систему, ее нормы не были жестко определены и менялись широко. Взаимодействие, которое неизбежно происходило между этими двумя разноприродными, но чрезвычайно близкими стихиями (русификация славянского, с одной стороны – и, с другой, славянизация русского, которая не ограничивалась заимствованием славянизмов в литературный язык в качестве словаря «высокого штиля»), шло скорее вопреки принятой иерархии языковых средств.⁶ Современные дискуссии об уместности русского языка в богослужении свидетельствуют о том, что ситуация диглоссии у нас далеко не изжита.

Русское и славянское слово не заменяют друг друга так же просто, как, скажем, русское и французское, русское и латинское и под. Что имеется в виду в данном случае под простотой? Естественно, при переводе с любого языка на любой другой возникают большие и порой преодолимые только в обход и с натяжкой трудности, но не встает вопроса о самой *возможности, допустимости* перевода, то есть параллельного замещения одного слова другим (см. об этом ниже). Русский язык как бы передоверил славянскому целые области значений, для которых не выработал своего словаря, заимствуя при необходимости из запасов славянского. В качестве примера одного из таких многочисленных «пустых мест» в русском языке можно привести название для «основного нравственного термина»: в русском языке и в говорах *нет* соответствия книжному славянскому **ДОБРОДѢТЕЛЬ** (ср. польск. *cnota*).

И главное: в переводе с одного языка на другой не встает вопроса о том, где собственно проходит граница языков. А этот парадоксальный вопрос с самого начала возникал в отношении

6 Нужно заметить, что такое резкое разведение священного и профанного в отношении языка, особенно укрепившееся в период так называемого «второго южнославянского влияния» под воздействием Тырновской школы и никогда уже не смягчавшееся, трудно увязать с замыслом самих создателей нового литургического языка, свв. Кирилла и Мефодия, чьим главным аргументом в оправдании перевода на новый язык была «простота» славян, требующая близкого и внятного для них, «местного» языка.

«простого» и «книжного» языков древней Руси. И действительно: эта граница в значительно меньшей степени грамматическая, чем семантическая, то есть смысловая, стилистическая, функциональная. Это было только еще более очевидно, когда грамматические системы (в частности, именное и глагольное изменение) церковнославянского и живого русского (древнерусского) были гораздо ближе, чем теперь.

К настоящему времени грамматика, фонетика, отчасти синтаксис литературного русского и церковнославянского языков представляют собой самостоятельные и далеко расходящиеся языковые системы. Но с лексикой дело обстоит не так: существует значительная по объему область «общих слов», принадлежащих обеим системам одновременно – и при этом слов, чрезвычайно существенных для каждого из двух языков. Не физическая реальность, не «плоть» отдельного слова во многих случаях относит его к церковнославянскому или русскому языку, а исключительно семантика. Так обстояло дело и в древнейшую эпоху, когда, скажем, **живѣчѣ** как церковнославянское слово в первую очередь означало «жизнь», а как слово русских говоров – «пожитки, имущество». Эта двойственность «своего» и «чужого» в церковнославянском слове была заложена его создателями. Свв. Кирилл и Мефодий, переводя богослужебные тексты для «простой чади» (как называли себя славяне) с греческого на племенной диалект, еще не знавший письменности и традиции книжной образованности, должны были вложить в «плоть» славянского слова новую «душу», другое значение, которого местная культура еще не выработала. Это касалось и важнейших богословских понятий (так, слово *дух* в говорах и донныне значит только «дыхание», «жизненная сила»), и многого другого. Известный историк русского языка Александр Исаченко назвал церковнославянский «метемпсихозом греческого языка в славянские морфемы».⁷

7 Впрочем, такое семантическое перерождение языка, на который переводится священный текст другой культурной традиции, скорее неизбежно. Исследователи Септуагинты (перевода семидесяти толковников) называют ее греческий язык во многом «изобретенным», полным «смысловых неологизмов», «смысловых гебраизмов», среди которых такие ключевые слова Св. Писания, как «святой» (ἅγιος), «праведный» (δίκαιος), «вера» (πίστις) – слова, в «натуральном» греческом не принадлежавшие строго религиозной сфере (B. Botte, P.-M. Bogaert, La Septante, Paris: Letozey & Ane, 1993).

Многие расхождения в значениях русского и церковнославянского слов, отмеченные в нашем словаре, объясняются именно греческим субстратом последнего, греческим смыслом в плоти славянских звуков и морфем. Некоторые загадочные значения связаны, как становится очевидным, с обычной переводческой ошибкой: **пѣцца** и **пѣщный** в значении «сладость», «сладостный» (**рѣй пѣцци**, **рѣй пѣщный**, **пѣцца присносѣцнна**) происходят из смешения греч. троφή (пища) и τρυφή (наслаждение). Для других системных замен, как, например, передача греч. ἐλεέω (помиловать) цсл. **ѡчѣстн** (в молитве мытаря, которая в евангельском тексте переводится: **милостѣвъ бѣди мѣ грѣшномѣ**, а в литургическом употреблении и многих производных от этой молитвах как **ѡчѣстн мѣ грѣшнаго**) собственно лингвистические причины указать затруднительно.

Вообще греческие образцы – не единственный источник расхождений церковнославянских и современных русских значений слова. Можно назвать и собственно славянские истоки: те значения, которые утрачены в литературном русском языке, но сохранились в южно- и восточнославянских диалектах (например, **ѡбѣдовати** в значении «завтракать»).

Значительны также изменения грамматической семантики, сдвиги словообразовательных моделей. Так, отглагольные существительные на **-ание**, **-ение**, **-ие** в русском обыкновенно означают процесс, тогда как в церковнославянском они могут означать также и объект или результат действия. Например, цсл. **воспрѣлчѣ** значит «то, что воспринято»: **нзбави... ѡ лючыхъ воспрѣлчѣи** («освободи... от воспринятого мной зла»); цсл. **желаніе** может значить «предмет страсти, то, что желанно»: **желаніе грѣшника погѣнечч** и под. Другое значение этой словообразовательной модели, также неизвестное русскому, – обозначение исполнителя действия: так **застѣплѣніе**, **молѣніе** в славянском контексте могут означать соответственно «защитника» и «послов».

Притяжательные прилагательные могут быть синонимичны родительному падежу существительного: **и дхъ въ видѣ голубѣнѣ** «и Св. Дух в образе голубя».

Некоторые формы славянских причастий (м. р. им. п. типа **живъ**, **живый**) совпадают с русскими прилагательными; это следует учитывать в переводе. Так, стих **живый въ помощи вышнлаго** (пс 90,1) следует перевести не прилагательным «живой»,

а причастием «живущий» или глагольной конструкцией «тот, кто живет».

Русский язык не позволяет передать тонкие различия в грамматической семантике глагольных форм церковнославянского. Так, в определенных случаях аорист предпочтительнее передать на русском настоящим временем, а не прошедшим: **милость ѿ истины срѣтѣтъся** — «милость и истина встречаются».

Чтение словаря открывает перед читателем разнообразные виды сдвигов грамматической семантики и переосмыслений словообразовательных моделей.

Дистанция между церковнославянской и русской семантикой может быть различной.

Она может быть чрезвычайно далекой, с утраченными промежуточными звеньями, как в цсл. **внѣшѣти**, «услышать» (**глаголы моѡ внѣшѣи, гдѣи**) или цсл. **рѣшѣительный**, «освобождающий» (**срѣстѣи рѣшѣтельныѡ**). Глагол **рѣшѣти** в знач. «освободить» уже неизвестен русскому.

Церковнославянское слово может на своей периферии намечать то значение, которое становится основным в русском: так, цсл. **клеветникъ** обычно значит «прокурор», «обвинитель на суде» (в том числе, справедливый обвинитель), но уже встречается и значение «ложный обвинитель», откуда недалеко до совр. русск. «злостного лжеца». И наоборот: русское слово может на своей периферии сохранять то значение, которое было основным в церковнославянском: глагол *требовать* в таких совр. русск. выражениях, как *платье требует починки*, сохраняет значение «настоятельно нуждаться», единственное для цсл. **требовати: ѡчищенїи ѡкъ бѣтъ не требѡѡ** («не имея нужды в очищении, как Бог»).

Иногда общая для двух языков семантика обнаруживается в другом морфемном оформлении: так, совр. русск. *нужда* значит то, что цсл. **требованїе**, но цсл. значение **нѣжда**, «насилие», сохранилось в русск. *принуждение*.

Стоит обратить внимание и на очень тонкие, почти неприметные различия, которые, тем не менее, сдвигают общее понимание текста. Такие ключевые слова Св. Писания и богослужебных текстов, как **добрый** и **злый**, в совр. русск. обычно имеют психологический оттенок, предполагая что-то вроде душевного качества или психического состояния, тогда как в цсл. они это оттенка лишены: **пѣстырь добрый** (греч. καλός) означает не «до-

бродушный» или «добрый к своим овцам», а «хороший», «прекрасный», «настоящий» – в противоположность «пастуху негодному» (здесь и может быть употреблено цсл. **ѡлѣй**).

Несколько иначе, чем в русском, выглядит смысловой объем церковнославянского слова **тѣхѣй** (**тѣхѣмъ ѥ мѣлостивымъ вонми ѡкомъ**): в нем акцентировано не значение «слабый по звучанию или по темпераменту, не громкий, не буйный», а «не несущий в себе угрозы», «щадящий»; словом **тѣхѣй** передается также греч. ἰαρός, «веселый», «утешный», как в молитве «Свете тихий» (ср. **тѣхѣ бо дѣтелѣ любитчѣ бѣ** – ибо Бог любит того, кто подает радостно).

Впрочем, детальное описание истории семантики и типологии расхождений – дело довольно отдаленного будущего, так же как и рассмотрение церковнославянской лексики на общеславянском фоне. Наша нынешняя задача – составить по возможности широкий свод такой лексики. Он дает, как нам представляется, увлекательные темы для лингвистической мысли, которая до последнего времени удивительно мало внимания уделяла истории церковнославянского языка и его своеобразию.

С другой стороны, такой словарь представляет собой практическое учебное пособие, своего рода введение в церковнославянский язык. Сама идея собирать и толковать слова такого рода возникла в опыте преподавания, когда стало очевидно, что именно эти мнимо знакомые слова (наряду с синтаксисом) часто и составляют главное препятствие к пониманию церковнославянского текста. Тем удивительнее, что словарей подобного типа до сих пор не было создано. Исключение – едва ли не единственное – составляет небольшой учебный словарь Н. Ильминского.⁸

Несмотря на долгую традицию издания вспомогательных пособий к богослужебным текстам (словари, издания с построчным комментарием, опыты переводов, двух- и трехязычные из-

8 Н. Ильминский, Слова, по своему составу и корню тождественныя съ русскими, но въ древнеславянскомъ языкѣ имѣющія другое значеніе, в кн: Н. Ильминский, Обученіе церковнославянской грамотѣ в церковно-приходскихъ и реальныхъ училищахъ, кн. 1, СПб., 1891, с. 77–85. Этому замечательному деятелю православного просвещения посвящена глава в недавно вышедшей книге А.Г. Кравецкого и А.А. Плетневой «История церковнославянского языка в России. Конец XIX–XX в.» (М.: Языки русской культуры, 2001, с. 45–50).

дания отдельных текстов, учебники церковнославянского с комментированными хрестоматиями текстов), их изучение почти не встречалось с академическим исследованием истории языка. Последствия такого упущения дают о себе знать и в многочисленных совершенно произвольных толкованиях «темных мест» и в общем качестве понимания церковнославянских текстов.⁹

Неверные, модернизирующие понимания отдельных – и часто важнейших – слов традиции, ставшие привычными, переносятся и в переводы на другие языки: так, **оумилѣніе** (иконографический тип) повсеместно переводится на европейские языки как *Tendresse*, *Tenezza* и под. (т. е. «нежность», «растроганность»). Однако значение этого цсл. слова (греч. *κατάνυξις*), как и родственных ему **оумилѣтиса**, **милѣ быти** и под., имеет в виду не «нежность», а «сокрушение» и «помилование». Знакомство с существующими переводами православных богослужебных текстов на современные европейские языки (английский, французский, итальянский), которые в настоящее время употребляются Русской Православной Церковью в ее западных приходах, еще раз убеждают в острой необходимости словаря подобного рода: в этих переводах достаточно много модернизирующих толкований церковнославянской семантики как русской (из многочисленных примеров этого рода приведем хотя бы английский перевод тропаря на Вознесение: **ѡбѣтованіемъ сѣгво дѣа извѣщеннымъ имъ бывшимъ блгословеніемъ** – *by the promise of the Holy Spirit, which was announced unto them in the blessing*: т. е. «о котором было дано им известие в благословении», тогда как цсл. **извѣщенный** означает «подтвержденный»)¹⁰

9 Как многочисленны примеры глубокомысленных толкований таких неверно понятых значений слов в гомилетике XIX века! Но даже такой величайший знаток церковнославянской традиции, как Е.Е. Голубинский, мог не знать обычного для цсл. значения: так, в своих замечаниях на текст Цветной Триоди, он предлагает заменить **міръвъ** на **міръчнъ**, поскольку иначе, по его мнению стих пасхального ексапостилария **плѣтѣ оуспѣвъ ѡко міръвъ** представляет собой бессмыслицу или тавтологию (греч. оригинал означает: «почивший во плоти, как смертный»). (Е.Е. Голубинский, О реформах в быте Русской Церкви, М., 1913, с. 124. Цит. по: Прот. Н. Балашов, На пути к литургическому возрождению, М., 2001, с. 193). В действительности же **міръвъ** в цсл. системно употребляется в значении «смертный», передавая греч. *θνητός*. Цсл. **міръчнъ** же означает «смертоносный», «смертельный» (см. соотв. статьи нашего словаря).

10 Инерция «русского» (или модернизированного) понимания церковнославянских слов так сильна, что от нее не могут избавиться и составители словарей.

Наконец, следует отметить, что некоторые различия и противопоставления значений, на которых построены многие размышления отечественных мыслителей XIX–XX веков, не находят подтверждения в церковнославянском языке. Это касается таких слов, как *правда* и *истина*, *красивый* (*красный*) и *прекрасный*. Никакого противопоставления в этих парах, вопреки распространенному мнению, церковнославянские употребления не обнаруживают.

Необходимо, однако, заметить одну интересную особенность. Сложные отношения русского и церковнославянского языков, их одновременная «раздельность и слиянность», которую мы пытались описать выше, нельзя рассматривать только как источник множества ошибок и недоразумений. В некоторых случаях вчитывание русского значения в церковнославянское слово дает неожиданные и творческие культурные плоды. О цсл. слове **тѣхѣй** и его отличии от русского омонима речь шла выше. Также отличается от русского и цсл. **тѣплый**, означая не нечто среднее между горячим и холодным, умеренно горячее, но как раз наоборот: очень горячее, ревностное (**тѣплѣа предстѣительница**). И вместе с тем, «тихий» и «теплый» — вероятно, самые характерные признаки того, что воспринимается как традиционно русское православное благочестие, — основаны не на славянских, а на русских значениях этих эпитетов!

Изю всего сказанного можно представить, каким образом наш словарь может исполнить не только справочное, но и учебное назначение. Его можно использовать как часть вводного курса церковнославянского языка (лексика, семантика, стилистика). Особая роль в этом принадлежит примерам, цитатам, которыми мы старались дополнить наши дефиниции, определения значений отдельных слов, и русским переводам этих примеров.

Здесь необходимы некоторые объяснения тому часто странному и неловкому русскому тексту, который сопровождает пре-

→ Так, в новейшем словаре старославянского языка, изданном в Болгарии, в качестве первого значения **болѣзнь** дается «болезнь», а не «страдание вообще, и преимущественно душевное», чему противоречат приведенные там же примеры. То же касается слова **живѣти** — слав. «оставлять в живых», а не «оживлять», как в позднейшем языке, или слова **живѣ** во фразеологизме **водѣ живѣ**, которую словарь толкует как «чудотворную, животворную воду», тогда как действительное значение этого гебраизма — ключевая вода, в отл. от стоячей (Старобългарски речник, том 1: А–Н, София: Валентин Траянов, 1999).

красные церковнославянские цитаты. Мы стремились дать по возможности буквальный, подсобный перевод, совершенно не претендующий на литературное достоинство. Однако полный буквализм в иных случаях выглядел бы совершенно нелепо, и поэтому он несколько смягчен (в частности, порядок слов приближен к русскому). Таким образом, наш перевод может быть characterized как служебный и в то же время компромиссный. В скобках даны дополнения, вводящие более широкий контекст приведенного стиха, и конъектуры, восполнения текста, необходимые для понимания. В разных словарных статьях читатель может встретить переводы одного и того же фрагмента, несколько расходящиеся между собой. Эти вариации связаны с тем, что в каждом случае мы стремились акцентировать значение того или другого слова, иллюстрацией к которому служит данная цитата.

Перевод составлял, вероятно, самую трудную – и самую спорную – часть нашей работы. Отношения церковнославянского и русского, о которых речь шла выше, выявляются здесь со всей остротой: перевод часто звучит как профанация, снижение и слога, и смысла, как если бы мы переводили лирический шедевр Пушкина на плоское бытовое просторечие. Можно надеяться, что возможен и другой, поэтический, художественный перевод церковнославянских текстов на русский язык, но пока мы предлагаем читателю только учебный прозаический подстрочник.

И, наконец, *otium post negotium*, кроме практического (справочного и учебного) назначения, словарь, если читать его как своего рода хрестоматию, может стать для читателя приятным досугом, поводом углубиться в размышления об истории русского и славянского слова, о смысловых темах и их вариациях, об устойчивом и изменчивом в языке.

Мы отдаем себе отчет в том, насколько несовершенной должна быть наша первая попытка свода и описания «двойных» русских – церковнославянских слов, как велико может быть число допущенных нами неточностей, ошибок, пропусков. Поэтому мы просим благожелательного читателя о снисхождении – а также о сотрудничестве: поправках, советах и дополнениях, которые были бы драгоценны для нашей дальнейшей работы. Пусть читатель смотрит на этот наш опыт как на приглашение к общей работе.

Мы приносим благодарность всем, кто в разное время помогал в работе над словарем своими замечаниями и предложениями: М. А. Корноуховой, А. Г. Кравецкому и А. А. Плетневой, А. И. Шмаиной-Великановой, С. В. Хализеву, монахине Елене (Хиловской). Подготовка текста была бы совершенно невозможной без сотрудничества с М. С. Касьян, участие которой далеко превосходило собственно редакторские задачи.

С благодарностью вспоминая Никиту Ильича Толстого, моего первого учителя старославянского языка, сопроводившего своим вступлением публикацию первой журнальной версии словаря, его светлой памяти посвящаю этот опыт.

О. С.

МАТЕРИАЛ СЛОВАРЯ

Словарь составлен по текстам богослужебного круга Русской Православной Церкви, преимущественно в позднейших изданиях. Более ранние варианты даются со знаком*. Пользуясь изданиями, набранными гражданским шрифтом, мы восстанавливали их церковнославянскую графику (эти случаи отмечены в Библиографии).

Сплошь просмотрены Октоих, Канонник, Триодь цветная (Пентекостарий) и Триодь постная, Требник, Служебник, Часослов и Молитвослов – а также Новый Завет и Псалтырь. Другие книги Ветхого Завета и служебные Минеи взяты пока весьма выборочно, в основном ради недостающих примеров. Церковнославянский язык Ветхого Завета заметно отличается (и особенно в области словаря) от языка богослужебных текстов, и работа с ним должна дать чрезвычайно интересные результаты, на что мы надеемся в дальнейшем.

СТРУКТУРА СЛОВАРЯ

Слова размещены в порядке церковнославянского алфавита. Исключение составляет объединение в одну букву **Ѡ, ѡ, ѡ**, которые представляют собой графические варианты одного звука «о». Это исключение сделано для удобства читателя: точная орфограмма слова часто не помнится (а нередко она вариативна), и это затруднило бы его поиск.

В конце словаря помещен указатель греческих слов с их славянскими соответствиями (своего рода краткий обратный словарь, который может помочь тематическому подбору лексики).

ОРФОГРАФИЯ

Унифицированной орфографии церковнославянских изданий, как известно, не существует (вплоть до употребления гражданского алфавита и соответствующей орфографии в позднейших изданиях богослужебных текстов). Различия в разных изданиях касаются употребления заглавных букв, титлования и других моментов (напр., **Ѡ** и **ѡ** в начале слова). В нашем словаре мы в основном следовали орфографии цитируемого источника,¹

1 Библейские цитаты брались в разное время из 2-х изданий Священного Писания, но преимущественно по московскому изданию 1904 г. (см. Библиографию).

унифицируя только употребление заглавных букв (отказавшись от них). Поэтому читатель не должен удивляться, встретив одно слово в разных написаниях.

СТРУКТУРА СЛОВАРНОЙ СТАТЬИ

Каждое слово дается в его исходной форме, глагол – в форме инфинитива и 1 л. ед. ч. наст. вр.: **гнѣти** (жѣнѣ).

Размещение глаголов и глагольных форм требует особого комментария. Глагольная система церковнославянского языка представляет собой симбиоз двух разных систем: старославянской сложной системы времен (аорист, перфект, имперфект) – и позднейшей упрощенной русской, в которой основным грамматическим признаком становится вид (совершенный – несовершенный). Многие цсл. глаголы составляют видовые пары (**гнѣти** – **гонѣти**).

Как в русском языке, категория вида может быть выражена противопоставлением приставочного и бесприставочного глаголов (**тѣворѣти** – **сотѣворѣти**, **игрѣти** – **взыгрѣти**).

В качестве основной словарной формы мы даем форму несовершенного вида. Глаголы совершенного вида снабжаются отсылками к соответствующей статье (**сотѣворѣти** см. **тѣворѣти**). Нужно иметь в виду, что не все значения совершенной и несовершенной форм могут при этом совпадать.

Возвратные глаголы даются в виде отдельной статьи только тогда, когда их значение расходится с основной, невозвратной формой (собственно говоря, когда они не имеют значения пассивного залога).

Следующая трудность касается причастий. В некоторых случаях они даются в словарной статье глагола (напр., **наше́дшій** – **наше́дшаа́ сила** – в статье **нахо́дѣти**, *сойти свыше, осенить*), от которого они образованы, в других – как отдельные статьи. В качестве отдельных статей даются те причастия, которые тяготеют к определенной самостоятельности от глагола, приближаясь к значению прилагательного.

Та же двойственность присутствует в подаче прилагательных и наречий. Наречия в случаях полного смыслового тождества могут быть объединены с соответствующими прилагательными.

Краткие и полные формы прилагательных даются в одной статье; в качестве заглавной приводится полная форма.

ЗНАЧЕНИЕ СЛОВА, РУБРИКАЦИЯ ЗНАЧЕНИЙ

Каждое цсл. слово сопровождается его греческим соответствием и переводом на русский или, в случае нескольких значений, рядом переводов:

в том случае, когда у славянского и греческого слов общий набор значений, греческое соответствие дается прежде всех переводов; если же различным славянским значениям одного слова соответствуют разные греческие слова, они приводятся в соответствующих рубриках.

Значения каждого слова даются в порядке их характерности для цсл. употребления под номерами.

ИЛЛЮСТРАЦИИ ЗНАЧЕНИЙ И ИХ ПЕРЕВОДЫ

Как правило, отдельное значение иллюстрируется примером или рядом примеров: фразой или фрагментом фразы, взятых из указанных источников.

Каждую иллюстрацию сопровождает перевод на русский язык, сделанный специально для этого словаря. В случае использования принятого перевода Св. Писания, он сопровождается пометой *синод.* (синодальный перевод).

Ссылки на источник (адреса) даются после перевода, в принятых сокращениях, расшифровать которые читатель сможет, обратившись к Списку сокращений.

В том случае, когда к слову или к его отдельному значению дается несколько иллюстраций, мы располагаем их в следующем порядке: цитата из Ветхого Завета, затем из Нового, затем из богослужебного текста.

КАК ЧИТАТЬ ССЫЛКУ (АДРЕС)

1. Ссылки на книги Св. Писания даются в общепринятых сокращениях: Быт 3,14; Ин 6,17 и т. п.

2. Адреса по богослужебным текстам имеют сложную структуру.²

Первым дается указание на книгу, в которой содержится данный текст: ТП – Триодь Постная, Ирм – Иромологий и т. п. О тех случаях, где эта ссылка опускается, см. ниже, п. 3.

2 К сожалению, нам пока не удалось отыскать отсылки для некоторых, собранных в разное время, примеров. В этих случаях в конце цитаты адрес отсутствует.

Затем дается день (день недели или календарный день, или праздник) или/и определенная служба: вт Веч = вторник, Вечерняя; Рожд Утр = Рождество Христово, Утренья.

Затем – часть службы, род песнопения (песнь), стих (строфа): К, 5–3 = канон, песнь 5, тропарь 3.

Если Утренья содержит в себе два канона (трипеснца, четверопеснца), указывается их номер, затем песнь и тропарь: Пятид К 2, 4–1 = Пятидесятница, канон второй («иный»), песнь четвертая, тропарь первый; ТП пт 1 трипсен 1, 9–3 = Триодь Постная, пятница первой седмицы, трипеснец первый, песнь девятая, тропарь третий.

Если имеется в виду седален после чтения Псалтири, то это не обозначается, если же внутри канона, то обозначается: К сед.

Если в Минеях под данным числом располагаются несколько служб, вслед за числом указывается их номер (м. 10 стх Гв 2 = май 10, служба первая, стихира на Господи воззвах, строфа вторая, ин. 11, 2, К 1, 7–2 = июнь 11, служба вторая, канон первый, песнь седьмая, тропарь второй). Если имеется в виду первая (или единственная) служба данного числа, то номер опускается (пример см. выше).³

3. В некоторых случаях названия книг опускаются:

а) если ссылка начинается с указания даты (ил. 20 и т.п.), то имеются в виду Минеи;

б) если ссылка начинается с указания гласа (гл 1 и т.п.), то имеется в виду Октоих;

в) если ссылка начинается с указания молитвы (млв 1 и т.п.), то имеется в виду Псалтирь Следованная;

г) большие праздники и особо поименованные дни недели имеют собственные сокращения (Усп – Успение Пресвятой Богородицы; МЕг – Неделя Марии Египетской; Вел Пт – Великая (Страстная) Пятница; Свтл Пн – Светлый Понедельник). Службы этих дней содержатся в Постной и Цветной Триодях или в Минее. Читатель может уточнить это по алфавитному Списку сокращений.

Образцы расшифровки адресов:

3 Порядок служб приводится по изд. Моск. Патриархии, указанному в библиографии.

Служ Лит Вас Вел млв огл = Служебник, Литургия Василия Великого, молитва об оглашенных;

Ирм гл 2, 4-1 = Ирмологий, глас второй, песнь четвертая, ирмос первый;

ТП ср 6 сед 2 крбгр Триодъ Постная, Среда шестой седмицы, седален по втором чтении, крестобогородичен;

Треб погр млв иер 1 взгл = Требник, Чин погребения мирских человек, молитва иерейская первая, возглас.

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ СВЕДЕНИЯ

В конце словарных статей читатель встретит отсылки к однокоренным словам, помогающие понять данное значение (пометы *см., ср.*), и к словам сходной семантики (пометы *син., синн.*).

В многозначных словах каждое значение дается отдельно и обозначается цифрой **1**, **2**, **3** и т.д. Ссылка на значение в другой словарной статье оформляется так **⊗**. Например:

возложѣніе **1** капитель, венец, ἐπίθημα (...); **2** жертвенный дар, приношение, ἀνάθημα (...). Ср. **предложѣніе** **⊗**.

Фразеология или особые словосочетания отмечены знаком **▶**, напр.: **живыи** **▶** **водѣ живѣа** *гебр.*, ключевая, проточная (*пртвп. стоячей*).

Традиционные библейские значения и обороты сопровождаются пометой *гебр.* (гебраизм).

В конце некоторых словарных статей дается слово современного русского языка и его славянское соответствие, например: **кромѣ** независимо от, помимо, в стороне от, χωρίς (...). Русск. **кроме** **ръзвѣ** (т.е.: совр. русскому значению «*кроме*» в цсл. соответствует слово **ръзвѣ**).

ИСТОЧНИКИ НА ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКОМ ЯЗЫКЕ

Знаком [†] отмечены издания, набранные гражданским шрифтом. Транслитерация входящих в них текстов сверялась, где это было возможно, по другим изданиям.

1. Библия, сиречь книги Священнаго Писания Ветхаго и Новаго Завета с параллельными местами, СПб.: Синод. типогр., 1900.
2. Библия, сиречь книги Священнаго Писания Ветхаго и Новаго Завета с параллельными местами, М.: Синод. типогр., 1904.
3. Триодион, сиестъ Трипеснец. Триодъ Постная, М.: Синод. типогр., 1902.
4. Триодъ Постная, ч. 1–2, М.: Изд. Моск. Патриархии., 1992.
5. Триодъ Цветная Русской Православной Церкви, М.: Изд. Моск. Патриархии., 1999.
6. Пентикостарий, сиречь Пятидесятница, М.: Синод. типогр., 1882.
7. Канонник, М.: Изд. отд. Моск. Патриархии, 1994.
8. Служебник, ч. 1, М.: Изд. Моск. Патриархии, 1977; ч. 2, М.: Донской монастырь, Изд. отд. Моск. Патриархии, 1998.
9. Требник, М.: Изд. Моск. Патриархии, 1979.
10. Октоих, М., 1906.
11. Миния, т. 1–12, Киев: тип. Киево-Печерской Лавры, 1893.
12. Миняя, т. 1–12: месяц сентябрь–месяц август, М.: Изд. Моск. Патриархии, 1978–1989.[†]
13. Ирмологий.
14. Псалтирь, М.: Синод. типогр., 1906. (Псалтырь следованная).
15. Псалтирь, М.: Синод. типогр., 1913.
16. Молитвослов, М.: Изд. Моск. Патриархии, 1988.[†]
17. Православный богослужебный сборник, М.: Издательство Православного Свято-Тихоновского Богословского института, 2000.[†]
18. <http://hebrew-studies.philosophy.spbu.ru/Biblia/Biblia.html>
19. <http://lib.pravmir.ru>
20. <https://azbyka.ru>
21. <https://akafistnik.ru>

ИСТОЧНИКИ НА ГРЕЧЕСКОМ ЯЗЫКЕ

1. Septuaginta, Stuttgart: Württembergische Bibelanstalt, 1935.
2. Novum Testamentum Graece, London: United Bible Societies, 1963.
3. Novum Testamentum Graece, ed. E. Nestle, Stuttgart, 1953.
4. Μέγας Ἱερὸς Συνέδικτος τοῦ Ὁρθοδόξου Χριστιανοῦ, Ἀθήναι: Φῶς, X.E.E.N., 1976.
5. Μηναῖον, ἔκδοσις νέα καὶ ἐπιμεμηλημένη, Ἀθήναι, [1970] (Ἐκκλησιαστικὴ Βιβλιοθήκη «Φῶς»).
6. Τριῶδιον κατασκευτικόν, ἔκδοσις νέα καὶ ἐπιμεμηλημένη, Ἀθήναι: Φῶς, [1987].
7. Ὁρολόγιον τὸ μέγα, Ἐκδοσις τῆς Ἀποστολικῆς Διακονίας τῆς Ἐκκλησίας τῆς Ἑλλάδος, 1986.
8. Εὐχολόγιον τὸ μέγα, ἐπανεκδιδόμενον εἰς β' ἔκδοσιν ὑπὸ τοῦ ἐκδοτικοῦ οἴκου «Ἀστήρ» βάσει τῆς ἐν Βενετίᾳ β' ἔκδοσεως 1862 ἐκ τῆς ἑλληνικῆς τυπογραφίας τοῦ Φοίνικος, Ἀθήναι, [1980].
9. Πεντηκοστάριον χαρμόσυνου, ἔκδοσις νέα καὶ ἐπιμεμηλημένη, Ἀθήναι: Φῶς, [1984].
10. Παρακλητικὴ, ἔκδοσις νέα ἐπιμεμηλημένη, Ἀθήναι: Φῶς, [1984].
11. Ἱερατικόν. Αἱ Θεαῖαι Λειτουργίαι, Ἐκδοσις τῆς Ἀποστολικῆς Διακονίας τῆς Ἐκκλησίας τῆς Ἑλλάδος, 1981.
12. Ἡ Καινὴ Διαθήκη, ἐγκρίσει τῆς μεγάλῃς τοῦ Χριστοῦ Ἐκκλησίας ἐν Κωνσταντινουπόλει ἐκ τοῦ Πατριαρχικοῦ τυπογραφείου, 1904

13. Η Μεγάλη Ἑβδομάς, Ἀθήναι: Ἀστήρ, 1989.
14. Η Θεία Λειτουργία τοῦ ἁγίου Ἰωάννου Χρυσοστόμου, Ἀποστολική Διακονία, 1980.
15. Ἀκολουθία τῆς Θείας μεταλήψεως, Βόλος, 1979.
16. Bible Works, Netmeneutika, 1999 (электронный вариант, версия 4.0).

ИСТОЧНИКИ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

1. Библия, синодальный перевод по изд.: Толковая Библия, или комментарий на все книги Св. Писания Ветхаго и Новаго Завета, издание преемников А.П. Лопухина, т.1-3, СПб., 1904-1913 (репринт: Стокгольм, 1987).

ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЕ ПОСОБИЯ

1. Ловягин Е. И., Богослужбные каноны на греческом, славянском и русском языках, СПб., 1893.
2. Воскресная служба Октоиха. Всех восьми гласов или напевов на славянском и русском языках, заключающая в себе песнопения малой вечерни, великой вечерни, полунощницы, утрени и литургии, пер. с греч. Иван Ловягин, изд. 2-е, СПб.: Синод. типогр., 1892.
3. Розов Н., Греко-славянская хрестоматия. Пособие при изучении греческого языка, СПб., 1893.
4. Иером. Алипий (Гаманович), Грамматика церковно-славянского языка, Jordanville, N. Y.: Свято-Троицкий монастырь, тип. преп. Иова Почаевского, 1984.
5. Великий Канон. Творение Андрея Критского (с параллельным русским переводом). Житие преподобного Андрея Критского. Житие преподобной Марии Египетской, Изд. Сретенского монастыря, 2000.
6. Прот. Петр Лебедев, Руководство к пониманию православного богослужения, содержащее шестопсалмие, часы и песнопения воскресные, праздничные и великопостные, на славянском языке с русским переводом, изд. 4-е, СПб.: Синод. типогр., 1875.

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ

1. Гильтебрандт П. А., Справочный и объяснительный словарь к Новому Завету, т.15. Петроград (СПб.), 1882-1884.
2. Ильминский Н., Слова по своему составу и корню тождественные с русскими, но в древне-славянском имеющие другое значение. Обучение церковно-славянской грамоте в церковно-приходских школах и реальных училищах. Для учителей, СПб., 1891.
3. Дьяченко Г., Полный церковно-славянский словарь. Со внесением в него важнейших древне-русских слов и выражений, М., 1900 (переизд.: М. 1993, 2000).
4. Поликарпов Ф., Лексикон Трехязычный, М., 1704.
5. Срезневский И. И., Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам, т.1-3, СПб., 1893-1912 (репринт: 1958, 1989).
6. Старославянский словарь (по рукописям X-XI веков), под редакцией Р.М. Цейтлин, Р. Вечерки и Э. Благовой, М., Русский язык, 1994, 2000.
7. Краткий церковно-славянский словарь, Jordanville, N. Y.: Тип. преп. Иова Почаевского, б. г.
8. Церковно-славянский словарь для толкового чтения Св. Евангелия, Часослова, Псалтири, Октоиха (учебных) и других богослужбных книг, протоиерея А. Свирилина, изд. 7-е, М.: Т-во «В.В. Думнов, наследн. бр. Салаевых», 1916 (переизд.: Град Китеж, 1991).

9. Словарь русского языка XI-XVII вв., вып. 1-, М.: Наука, 1975- (изд. прод.).
10. Словарь древнерусского языка (XI-XIV вв.) в десяти томах, гл. ред. Р.И. Аванесов, тт. 1-6-, М.: Русский язык, 1989-2002- (изд. прод.).
11. A Patristic Greek Lexicon, ed. by G. W. H. Lampe, Oxford: Clarendon Press, 1994.
12. A Greek-English Lexicon of the New Testament, being Grimm's Wilke's Clavis Novi Testamentum translated revised and enlarged by Joseph Henry Thayer, D.D. - N. Y. - Cincinnati - Chicago: American Book Company, 1889.
13. Речник на редки, остарели и диалектни думи в литературата от XIX и XX век, под ред. Стефан Илчев, София: Издателство на българската Академия на науките, 1974.
14. Речник на старобългарски думи в днешните български говори, сост. Мария Мъжлекова, София: Издателство на българската Академия на науките, 1990.
15. Старобеларускія лексіконы. Лексисъ съ толкованіемъ словенскіхъ мовъ просто. Лексис Л. Зізанія. Синонима славеноросская, изд. А.А. Яскевич, Універсітэцкае, 1992.
16. Лексикон словенороський Памви Беринди, Київ, 1961.
17. Старобългарски речник, т. 1: А-Н, София: Валентин Траянов, 1999.